

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ББК С 524.19
УДК 60.524.19
М 82

М.Р. Москаленко, В.П. Леднев СОВРЕМЕННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА И ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ БУДУЩЕГО

***Ключевые слова:** прогнозирование; теория; прогресс; синергетика; методология; предвидение; объяснение; классическая и постнеклассическая наука.*

***Резюме:** статья посвящена анализу прогностической функции социогуманитарного знания, изучению исторического опыта использования его теоретического базиса для построения адекватных современным требованиям прогнозов. Рассматриваются особенности прогнозирования в классической, неклассической и постнеклассической науке, анализируются такие теоретические понятия, как объяснение и предвидение. Выдвигается предположение, каким требованиям должен соответствовать прогноз для его использования в построении социальных проектов.*

Прогнозирование будущего является важной функцией науки. Наука во многом задает модель будущего, принятую в обществе. Доминирующая модель будущего оказывает огромное влияние на поведенческие стандарты и жизненные приоритеты личности. Так, картина завтрашнего мира индустриальной эпохи, основанная на прогрессизме, нацеливала на оптимистическое восприятие действительности, побуждала к саморазвитию, т.к. будущее виделось как линейная экстраполяция позитивных тенденций современности. Социалистический и либеральный проекты грядущего нацеливали на созидание и во многом обеспечили тот положительный заряд, ту веру в завтрашний день, которые характеризовали общественную атмосферу индустриальной цивилизации. В настоящее время наблюдается кризис в творении образа будущего, причины которого таковы:

1. Обвал социалистического проекта и серьезные противоречия либерального, связанные прежде всего с экологическими ограничителями роста. Для того чтобы развивающимся странам достигнуть уровня потребления Запада, нужно на порядок увеличить эксплуатацию природных ресурсов планеты.

2. Распространение культуры постмодерна, поставившей под сомнение нравственные идеалы, которые на протяжении тысячелетий служили основой мировоззрения людей. Это во многом дезориентирует личность, создавая ценностно-смысловой хаос и психологическую неустойчивость.

3. Исчезновение ореола священности и божественности вокруг государственной власти. Сохраняющиеся в индустриальную эпоху элементы сакральности политической власти служили важным фактором доверия правящей элите, массы были убеждены, что она отстаивает защищающие их интересы, разрабатывает проект будущего, в котором важными элементами являются социальная стабильность и неуклонное повышение жизненного уровня. Теперь, когда не только интеллектуалам, но и широким слоям населения стало очевидно, что правящие круги преследуют собственные

цели, которые не всегда совпадают с национальными интересами, возникла проблема абсентизма и недоверия к элите, к существующей политической власти вообще, вокруг правительств исчез тот ореол гаранта стабильного будущего, который был в прежние времена.

4. Культ потребительства, заменивший ценности трудовой этики. Ориентация на высокие потребительские стандарты деформирует видение будущего, заставляя стремиться не к творческой реализации, а к «доходному месту», к тому роду занятий, который обеспечивает прежде всего доступ к финансовым потокам. Ценности труда в картине грядущего девальвируются.

Эти причины, а также ряд других факторов приводят к росту деструктивных форм социального поведения, чувству потерянности, ценностной дезориентации. Возникает вопрос об использовании потенциала общественных наук для построения отвечающей вызовам современности модели будущего, задающей конструктивное восприятие действительности и способы самореализации. Эта модель должна стать важным фактором, обеспечивающим стабильность современного общества подобно тому, как в свое время идея прогресса, вера в лучшие времена, в конечное торжество идеалов добра и справедливости помогла человечеству пройти сквозь тяготы и лишения индустриальной эпохи.

Все эти проблемы предъявляют новые требования к научному прогнозированию будущего.

В классической науке, созданной во времена Г. Галилея и Ф. Бэкона, провозглашалось стремление к идеалу абсолютной истины путем установления независимого от исследователя объективного знания о предмете исследования. Тогда был поднят вопрос о закономерностях развития общества, которые, как правило, трактовались в ключе прогрессизма. Использовались методы мысленного моделирования социальной действительности на основе создания ее упрощенной модели, выделения какой-либо тенденции или их группы.

Неклассическая наука допускает принципиально разные стратегии исследования и возможность сосуществования нескольких конкретных теоретических описаний одной и той же реальности. В настоящее время формируется новая, постнеклассическая наука, рассматривающая в качестве объекта исследования исторически развивающиеся уникальные объекты (цивилизация, биосфера, метagalactica), в рамках которых ограничена повторяемость процессов, возможность постановки опыта и которые являются сложнейшими системами, характеризующимися наличием многосторонних и нелинейных связей как внутри самих себя, так и с окружающей средой.

Сферы знания, которые занимаются изучением прогнозирования общественно-политических процессов (глобалистика, футурология и др.), первоначально использовали в основном методы классической науки. Предполагалось, что в обществе существуют универсальные, объективные законы, утверждалось детерминистическое и монистическое видение мира, четкое отделение субъекта познания от объекта. Данная научная парадигма была сформулирована Лапласом, который полагал, что ум может в одной формуле объять движение величайших тел Вселенной наравне с движением атомов и «не осталось бы ничего, что не было бы для него недостоверным, и будущее, так же как и прошедшее, предстало перед его взором...» [4, с.9]. С лапласовской традицией связано понимание исторического движения общества как

познаваемого процесса, на основе научного изучения которого можно вывести его закономерности и осознанно творить свой проект будущего.

Интересно, что от подобных методологических положений классической науки давно уже отказались в естествознании. Там на рубеже XIX–XX вв. стала формироваться новая картина стохастической Вселенной, отличающейся сложностью, нелинейностью, неопределенностью, необратимостью происходящих в ней процессов. Постепенно эти представления проникли и в гуманитарные науки. Для неклассической, и особенно постнеклассической, науки свойственны идеи вероятности, неопределенности, единства субъекта и объекта познания, признание множественного разнообразия происходящих в мире процессов. Представления о целостности мира в духе универсализма эпохи модерна изжиты в науке, но еще остались принадлежностью политической риторики.

Перед науками, изучающими прогнозирование, стоит ответственнейшая задача – выяснить, какие преобразования в обществе нужно начать сегодня, какие – завтра и в последующие периоды, составить своего рода глобальный проект реформирования общества. Этот проект должен учитывать предыдущий исторический опыт как глобального (например, реализация марксистского и либерального сценариев), так и локального (история реформ в какой-либо системе) характера. В каждый определенный период развития любой объект состоит из элементов, которые уже имелись в нем самом и окружающей среде в предыдущий период. Чтобы определить, какие из них образуют основу будущего, составляют долговременные тенденции, нужно расположить их в иерархическом порядке, проанализировав систему. При этом будет применен метод мысленного моделирования, встанет вопрос об интеграции различного рода прогнозов: социологических, экономических, демографических и др. Тогда совокупность всех явлений образует основу ближайшего будущего. Если после этого отсеять наименее устойчивые явления (например, используя методику кондратьевских циклов, определить степень устойчивости какого-либо технического уклада и, соответственно, тенденции развития промышленности), то оставшиеся составят базу среднеудаленного и далекого будущего. Но устойчивость социальных явлений – это величина с относительным постоянством: сегодня эти тенденции общепризнанны, а завтра они могут измениться, и выяснится, что наука ошиблась в их анализе. Так, в формационном подходе тенденция перехода к социализму рассматривалась как основная и вполне реалистичная вплоть до конца 1980-х гг.; в геополитическом – противостояние СССР и США экстраполировалась на многие десятилетия XXI в. и др.. Таким образом, долгосрочные прогнозы менее надежны, чем краткосрочные.

Наряду с появлением новой научной парадигмы возрастанию роли прогнозирования способствует и такой фактор, как существенные отличия современного общества от того, каким оно было 50–60 лет назад, не говоря уже о более далеких временах. Усложняется как социальная система в целом, так и сами подсистемы общества. Это хорошо видно, например, на развитии системы образования: год от года растут и обновляются требования к образовательному процессу, педагогу и учащемуся, происходит разветвление педагогической науки: появились педология, пропедевтика, акмеология и др. Следовательно, уменьшается предсказуемость общественных процессов, возрастает сила синергических эффектов, характерных для сложной системы. Эти эффекты можно описать так:

1. Слабые воздействия на различные объекты и связи системы могут давать непропорционально сильные эффекты.

2. Одни и те же проекты в разных, даже весьма мало отличающихся, средах могут давать разительно непохожие, неожиданные результаты. Например, рыночный проект в Восточной Европе способствовал оживлению экономики – в России данный проект привел к серьезным издержкам.

3. Любая теоретическая модель общественной системы, которая используется для мысленного эксперимента, является упрощенным отражением реальности и принципиально неполна. Поэтому реформы, четко и логично обоснованные в теории, могут на практике привести к неожиданным результатам, т.к. какая-либо группа факторов не была учтена в абстрактной модели. Не следует сбрасывать со счетов и субъективный фактор – личные особенности руководителей, от которых зависит ход реформирования, их мировоззренческие и ценностные установки, благодаря которым может делаться акцент на одних деталях проекта, но будут игнорироваться другие.

4. Одинаковая причина может порождать в разных временных и социокультурных средах неодинаковые следствия, существует многовариантность событий в точках бифуркации.

5. В высокосложных системах множество процессов связаны друг с другом не прямой причинно-следственной связью, а отношениями дополнительности, а причина и следствие, сущность и явление постоянно меняются местами.

Определенную методологическую сложность представляет соотношение понятий «предвидение» и «объяснение». В самом деле, полное и всестороннее объяснение какого-либо социального процесса предполагает прогностическую часть, когда на основе анализа тенденций выдается прогноз. Само предвидение опирается на методику объяснения настоящего. Так, если в основе объяснения нынешней российской трансформации лежит теория «демократического транзита» [3; 5; 6], то прогностическая модель будет одна – через призму перспектив распространения демократии. А если взять в качестве основы «теорию Смуты» [2; 8; 11], то модель будет представлять будущее как новый, более разрушительный ее виток. Также и при использовании циклических концепций: например, у А. С. Ахиезера [1] – одна модель будущего, у В. И. Пантина и В. В. Лапкина [7, с. 344–380] – другая. Любые исследования проводятся во многом для того, чтобы дать более или менее верный прогноз развития тенденций, вероятных событий, социальных, культурных, политических процессов, обозначить конфигурацию политических или управленческих факторов, их взаимодействие, выработать оптимальный сценарий и рекомендации для его воплощения, проанализировав возможное состояние системы, позитивные и негативные последствия. Ценность любого исследования, от конкретных, эмпирических до теоретических, состоит в том, насколько адекватно и точно они отражают тенденции многообразных социальных, культурных, политических процессов, насколько они завершаются научно обоснованными прогнозами.

Согласно концепции Г. И. Рузавина, предвидение отличается от объяснения следующими моментами:

1) направленностью во времени, т.к. относится либо к будущим, либо к прошлым событиям и явлениям;

2) конкретными условиями применения законов к прошлым и будущим

событиям и явлениям, которые не могут быть известны так же полно и точно, как при объяснении настоящих событий;

3) заключениями предвидения, относящимися к отдельным, индивидуальным событиям, в то время как объяснить можно и частные законы, например, эмпирические – с помощью теории;

4) предпосылками предвидения, которыми часто бывают гипотезы, основанные на правдоподобных рассуждениях (индукции, аналогии, статистических выводах);

5) правдоподобным или вероятностным характером предвидений [10, с. 99–112].

Для теоретического обоснования прогнозов необходим анализ исторического опыта реформирования и планирования в различных сферах жизни общества на основе междисциплинарного подхода. Так, по концепции исследователя М. Сорооса, процесс конструирования будущего складывается из ряда этапов:

1. Формулировка исходных ценностей-целей.
2. Анализ современного положения вещей и данных поисковых прогнозов.
3. Формулировка альтернативных сценариев будущего.
4. Их оценка по критериям непротиворечивости, возможности воспроизведения, совместимости с другими сценариями, комплексности.
5. Выработка стратегии воплощения альтернативных сценариев в жизнь и их оценка. Возможные методы оценки: экспертные опросы, эмпирическая проверка следствий, дедуцируемых из логики реализации проекта, математическое моделирование, социальный эксперимент [9, с. 7].

Подводя итоги, отметим, что для научного обоснования прогнозного сценария необходимо ответить на вопросы:

1. В чем состоит проблема, как она видится исследователю или руководителю? Необходимо обосновать сам факт наличия проблемы. Следует подчеркнуть, что в ряде сфер деятельности декларируемые проблемы могут скрывать реальные. Например, президентом США Дж. Бушем-младшим для решения политической задачи – проникновения в Азию, усиления американского контроля за ближневосточной нефтью – раздувалась псевдопроблема – наличие иракской угрозы в регионе. Или в 1990-е гг. российскими СМИ муссировалась проблема «красно-коричневой угрозы демократии», за которой стояло желание правящей элиты получить легитимность в глазах избирателей и продолжать передел собственности. Эти факты говорят о важности обоснованной постановки проблемы.

2. Каковы истоки решаемой проблемы? Следует провести анализ исторического опыта развития той сферы общества, в которой эта проблема возникла.

3. Что произойдет, если проблема не будет решена? К каким последствиям приведет невмешательство?

4. Каковы возможные пути решения проблемы, чем они отличаются, какие существуют трудности для их реализации? Здесь нужно подчеркнуть, что всегда должно быть несколько вариантов решения. Каков ожидаемый социальный эффект в случае принятия того или иного из предлагаемых решений?

5. Какие ресурсы, необходимые для решения проблемы, имеются, а какие следует изыскать? При этом обязателен комплексный подход. Напри-

мер, общественное мнение может быть колоссальным ресурсом. Так, в начальный период Второй мировой войны во Франции оно не стало ресурсом сопротивления, и страна была завоевана фактически равным с ней по военным силам противником за месяц. В СССР, напротив, общественное мнение стало мощным фактором, и, несмотря на грандиозные потери, руководство страны смогло мобилизовать население и выиграть войну.

6. Каковы возможные социальные и экологические издержки и позитивные результаты от предлагаемого способа решения рассматриваемой проблемы в разных аспектах действительности?

Применение методов сравнительно-исторического подхода, исторической аналогии, синергетики и ряда других позволяет заранее предупреждать нежелательные последствия управленческих решений и нововведений. Важно проанализировать проблемную ситуацию с использованием данной методологии, дать правильную оценку соотношения различных сил и факторов, определить степень риска, наметить конкретные меры по реализации плана.

Литература

1. Ахиезер М. С. Россия: критика исторического опыта: социокультурная динамика России. Т.1.: От прошлого к будущему. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – 804 с.
2. Ежов Д. Вперед в прошлое // Свободная мысль-XXI. – 2005. – № 3.
3. Карл Т. Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // Политические исследования. – 2004. – № 8.
4. Лаплас. Опыт философии теории вероятностей: Популярное изложение основ теории вероятностей и ее приложений / Пер. А.И.В. – М., 1908. – 206 с.
5. Лебедева Т. П. Либеральная демократия как ориентация постсталинских преобразований // Политические исследования. – 2004. – № 4.
6. Мельвиль А. Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // Политические исследования. – 2004. – № 4.
7. Пантин В. И., Лапкип В. В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. – Дубна: Феникс+, 2006. – 448 с.
8. Почему Россия медлит? // Свободная мысль-XXI. – 2005. – № 4.
9. Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. – М.: Наука, 1994. – 304 с.
10. Рузавин Г. И. Методология научного исследования. М.: ЮНИТИ, 1999.
11. Соловей В. Россия накануне Смуты // Свободная мысль-XXI. – 2004. – № 12.